

Феноменология как психиатрия?

Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. — 640 с.

Среди попыток понять мир душевнобольного человека два проекта XX века — феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ (которые порой объединяют в единый проект экзистенциально-феноменологической психиатрии) — были, пожалуй, самой убедительной заявкой на построение серьезной научной теории в своей области. Эти течения обошли Россию стороной, и даже рефлексия на них была слабо представлена в отечественной традиции. Книга Ольги Власовой «Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы» ставит своей задачей восполнить этот пробел и осветить теоретические основания едва ли не повсеместно признанной ныне идеи о том, что за психической болезнью скрывается особый опыт, при определенных усилиях доступный пониманию каждого.

Автор реконструирует историю вынесенного в заглавие книги междисциплинарного движения, которое (принимая в расчет не только основателей, но и последователей) затронуло многие страны — от Швейцарии до Испании, от Голландии до США — и просуществовало в той или иной форме на протяжении почти столетия. «Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ» — это, прежде всего, историко-философское исследование; цель книги — воссоздать философские и психиатрические концепции, легшие в основу экзистенциально-феноменологической психиатрии. Трудно определить, как и где возникло данное течение. В начале XX века в Европе шли широкие философские, научные, антропологические дискуссии, повлиявшие на психиатрическую мысль. Местом их проведения часто выступало пространство клиники: как в прямом смысле — клиника становилась площадкой для встреч интеллектуалов и проведения семинаров, так и в метафорическом — клинический опыт вызывал горячий философский, методологический и даже теологический интерес.

Порой обстоятельства, благодаря которым психиатрические проблемы попадали в центр широкого интеллектуального обсуждения, ока-

зывались почти случайными и во многом обусловленными биографическими казусами. Власова приводит почти анекдотический пример из жизни одного из основателей экзистенциального анализа Медарда Босса. Оказавшись во время службы в армии практически без дела и впад в уныние, Босс неожиданно увлекся проблемой времени вообще. «В доступной мне литературе я искал что-либо об этом феномене. Случайно я натолкнулся на газетную заметку о книге Хайдеггера “Бытие и время”. Я тотчас же погрузился в работу, но обнаружил, что не понимаю ни одной фразы», — вспоминал Босс позднее. Этот эпизод положил начало сотрудничеству швейцарского психиатра с немецким философом, приведшему их к созданию совместной версии экзистенциального анализа. Но конечно, появление экзистенциально-феноменологической психиатрии не было случайным, но стало закономерным итогом интеллектуальной ситуации в Европе начала XX столетия.

Новый проект ставил своей задачей изменить основания психиатрии, с тем, чтобы вместо позитивной науки, рассматривающей человека как неодушевленный предмет, а его переживания — как набор стандартных реакций, превратить ее в теорию, объясняющую поведение и опыт психически больного «изнутри» посредством вчувствования и проникновения в его видение мира. Для этого требовалась методология, отличная от естественно-научной, которой пользовалась психиатрия того времени (а нередко и современная). В поисках новой методологии врачи обращались к философии, среди течений которой наибольшее влияние на психиатрию оказывали феноменология Гуссерля и экзистенциальная аналитика Хайдеггера. В своей книге Власова стремится показать, что экзистенциально-феноменологическая психиатрия не заимствовала абстрактные философские идеи, но исследовала их на материале самой клиники, т. е. в работе с больными. Теоретическое же оформление этой работы во многом перекликалось с идеями, сформулированными философией.

Внимание представителей феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа сосредоточено, в первую очередь, на патологических изменениях в восприятии пространства и времени, а также в отношениях с внешним миром и другими людьми. Причем описываются эти изменения так, что суть происходящего становится понятна здоровому человеку и в той или иной степени перекликается с повседневным опытом каждого из нас.

Вот, например, как анализируются переживания при депрессии в теории Штрауса. В депрессивном состоянии человек утрачивает течение времени, перестает стремиться к будущему, настоящее становится для него статичным; «стрелки часов движутся, сам же он не продвигается вперед». Исчезает не только личное, но и мировое время — оно превращается в простую последовательность и действительно сводится к движению часовых стрелок. Изменение проживаемой временной структуры придает гипертрофированную значимость ошибкам прошлого: че-

ловек не видит путей изменения ситуации в будущем, поэтому каждый неверный поступок в прошлом вызывает у него сильнейшее чувство вины. А вот как выглядит деперсонализация в описании Гебзаттеля: у человека нарушаются отношения с внешним миром, прекращается становление и развитие, и на место целостного существования приходит расщепление, переживание пустоты, «не-существования». Далее следует «падение в пропасть»: человек, существующий в пустоте, стремится отыскать хоть что-то за ее пределами, но с каждым шагом в пустоту не приходит к чему-то новому, а падает все глубже.

Разумеется, теоретические построения экзистенциально-феноменологической психиатрии не сводятся к таким примерам, однако эти описания хорошо иллюстрируют основные интенции всего движения. В целом описания патологического опыта строятся так, чтобы удовлетворять нескольким задачам: с одной стороны, они учитывают имеющиеся психиатрические данные, с другой — воспринимают философские положения (скажем, о способах существования человека в мире или темпоральных структурах человеческого бытия). Наконец, этот опыт описывается так, чтобы проблемы психически больного человека могли вызывать сопереживание. Представители экзистенциального анализа и феноменологической психиатрии были убеждены в том, что психическое заболевание — это не механическое нарушение организма; его причины кроются, прежде всего, в способе бытия человека. Поскольку психиатр в конечном счете такой же человек, как и его пациент, он в состоянии воспринять тот опыт, который переживает больной.

Однако за описаниями переживаний душевнобольных должны следовать действия, направленные на возможно более успешную помощь пациентам, — и именно этот момент стал наиболее проблемным для экзистенциально-феноменологической психиатрии. Предположительно, проникнув в опыт больного, врач должен изменить его способ бытия, но каких-либо практических рекомендаций по поводу того, как это можно сделать, теоретиками движения выработано не было. Терапевтическая практика зачастую оказывалась довольно причудливой: психиатр пытался понять внутренний мир больного, одновременно «на всякий случай» оказывая традиционное медикаментозное лечение. Эта парадоксальная ситуация отражала основное противоречие экзистенциально-феноменологической психиатрии. Пытаясь объединить философские методы понимания с решением практических клинических задач, представители движения сталкивались с неопределенным, промежуточным статусом самой теории и вынужденно ударялись либо в одну, либо в другую крайность.

Эта проблема так и не была решена в рамках экзистенциально-феноменологической психиатрии. Сегодня данный проект уже не имеет актуального практического воплощения, а само движение по большому счету уже принадлежит истории — как психиатрической науки, так и философии. Ему на смену в сфере «альтернативных» подходов к без-

умию пришла антипсихиатрия, также в итоге не сумевшая предложить эффективной модели работы с психически больными. Возникает закономерный вопрос: для чего сегодня нужна книга, которая представляла бы теоретические основания экзистенциально-феноменологической психиатрии? Сам автор формулирует свою задачу как историко-философскую, замечая при этом, что описанная традиция сыграла большую роль для гуманизации психиатрической практики, пересмотра отношения к душевнобольным и утверждения представления о том, что страдающий психическим расстройством — прежде всего человек, со своим способом бытия и ощущением мира. Потому изучение истоков этих представлений обладает несомненной значимостью.

Вместе с тем эффект, который книга вызывает по прочтении, довольно любопытен и неожидан. Произошедшие за последнее столетие изменения в отношении к психическим заболеваниям сделали безумие более понятным и в то же время окутали предмет разнообразной мифологией. В какой-то степени можно говорить о возрождении в культуре роли «сакрального безумца», носителя «иной» истины. Интерес к этой истине нашел отражение не только в проектах альтернативной психиатрии, но и в многочисленных художественных произведениях, обращающихся к теме психоза, а также в смутной, порой плохо осознаваемой надежде отыскать в психотической реальности ответы на самые различные вопросы. Показателен в этом смысле пример шотландского психиатра Рональда Лэйнга, проводившего смелые параллели между опытом психически больных, опытом, связанным с употреблением психотропных веществ, и мистическим опытом.

Исследование, проведенное Власовой, в каком-то смысле устанавливает границы такому интересу. Деятельность представленных в книге мыслителей была подкреплена серьезной теоретической базой и большим объемом клинических исследований, но никто из них так и не пришел к ощутимым результатам в поисках пресловутой «иной» истины. Оказалось, что доступная нашему пониманию сторона патологического опыта дает нам ключ к работе с нашими собственными переживаниями. Результаты исследований каждого отдельного представителя экзистенциально-феноменологической психиатрии внушают ложное впечатление того, что мы находимся в шаге от понимания проблематики душевного расстройства. Однако систематическое изложение деятельности двух школ на протяжении без малого целого века подводит к мысли, что, вероятно, все не так просто и мы все еще находимся очень далеко от проникновения в опыт психически больного. Поиск альтернативных средств и теорий продолжается, но, очевидно, он будет очень непростым и трудоемким.

Светлана Бардина